

О. Н. Верещагина

**Метафора в драме М. Ю. Лермонтова «Два брата»**

В статье рассматриваются особенности функционирования метафоры в драматическом произведении М. Ю. Лермонтова. Отмечается ее роль как одного из главных средств раскрытия внутреннего мира персонажей пьесы и образного описания событий и явлений действительности.

**Ключевые слова:** романтизм, метафора, драматическое произведение, контекст, эмоционально-оценочный компонент значения.

O. N. Vereshchagina

**Metaphor in M. Yu. Lermontov's drama "Two brothers"**

The article considers the peculiarities of the functioning of metaphors in a dramatic work of M. Yu. Lermontov. Its role as one of the major means of revealing of the inner world of characters and figurative descriptions of the events and phenomena of reality is emphasized.

**Ключевые слова:** romanticism, metaphor, dramatic piece, context, emotional and evaluative component values.

Романтизм как направление в литературе и искусстве характеризовался стремлением к изображению «идеальных героев и чувств» [2]. Драматические произведения М. Ю. Лермонтова, созданные под влиянием романтизма (французских и немецких представителей направления, в первую очередь Шиллера), обнаруживают типичное для этого стиля использование метафор и метафорических эпитетов при описании чувств, событий и явлений окружающего мира. Под метафорой мы будем подразумевать «употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии, а также слово или выражение, таким образом употребленное» [2]. Метафорический эпитет представляет собой эпитет, употребленный в «метафорическом (переносном по сходству) значении», это «наиболее легкая форма метафор» [3, с. 61].

С помощью метафоры в драме М. Ю. Лермонтова «Два брата» передаются внутренние переживания героев произведения Юрия и Александра. Для такого иносказательного описания эмоционального состояния характерна «закрепленность» за тем или иным чувством определенного образа. Так, например, любовь предстает в образе огня, для разжигания которого достаточно искры.

Юрий. ...частые встречи, частые прогулки, невольный яркий взгляд, случайное пожатие ру-

ки – много ли надо, чтоб разбудить таившуюся *искру*?.. Во мне она *вспыхнула*; я был увлечен этой девушкой... она *разогрела* во мне *любовь*... когда я держал ее в своих объятиях и сыпал поцелуи на ее *огненное* плечо... Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение. Но после первой *вспышки* я замечал разницу, убивственную для них... [1, с. 290].

Александр. ...мой *огненный* поцелуй, как печать, останется на устах ее... [1, с. 303–304]

Александр. ...когда твои поцелуи *горели* на губах моих... [1, с. 306].

Юрий. ...ваша рука *горит* в руке моей – женщина *не любя* не сделает этой жертвы... [1, с. 308].

Для иносказательного описания любви используются слова и словосочетания с положительным эмоционально-оценочным оттенком значения. Любовь – это «драгоценное чувство», «награждение», «сокровище», «единственное блаженство», «чудное сладкое чувство», а для Александра – «последнее средство» к спасению и «последнее чувство», которое жило в его душе.

Расставание с любимой подобно смерти и лишает желания жить.

Юрий. Вы мне *дали жизнь* – и теперь ее *отняли* – на что мне *жизнь*?.. я не могу жить без нее... [1, с. 301].

Александр. *Что мне теперь отец, целый мир – я потерял все, последнее средство погубило,*

*последнее чувство умерло – на что мне жизнь...* [1, с. 315].

Для героев пьесы разлука с возлюбленной означает гибель, но для старшего из братьев любовь к Вере была не только сильным чувством, но и спасением, и ценой его любви является не только его жизнь, но и все, что его окружает (*что мне теперь отец, целый мир...*).

Способность испытывать ощущения становится, таким образом, атрибутивной характеристикой жизни, а невозможность чувствовать означает смерть и передается как умирание чувств.

Александр. Лучшие мои *чувства*, боясь насмешки, я хоронил в глубину сердца... *они там и умерли...* Отчего самые обыкновенные *чувства у меня так мертвы?*.. видно я так создан, видно недостает какой-нибудь звучной струны в моем сердце... [1, с. 293]

Потеряв «последнее средство» к спасению, Александр готов разрушить жизнь брата и сделать его похожим на себя. Самым страшным для него является невозможность чувствовать, любить и постоянное переживание негативных эмоций, поэтому и для Юрия в качестве мести он хотел бы именно такой участи.

Александр. ...О, я тебе насажу таких вещей, от которых и у тебя *засохнет сердце*, и у тебя *в душе родится сомнение и ненависть...* [1, с. 315].

Подавление переживаемых эмоций метафорически передается как физиологический процесс.

Юрий. ...я *проглотил свое бешенство из гордости...* [1, с. 290]

Испытываемые персонажами отрицательные эмоции воспринимаются как неизлечимая болезнь.

Юрий. ...разве даром я три года думал об ней день и ночь... три года мучительных часов *тоски* глубокой, *неизлечимой...* [1, с. 301]

Александр. ...я пустился в большой свет, сделался искусен в науке жизни – а видел, как другие без искусства счастливы: в груди моей возникло *отчаянье*, – не то, которое *лечат дулом пистолета*, но то *отчаянье*, которому *нет лекарства ни в здешней, ни в будущей жизни...* [1, с. 293]

Иносказательно могут быть переданы и чувства одного персонажа, испытываемые им по отношению к другому. Характерным является при этом использование номинативной метафоры. Так, при обращении к Александру Вера и Дмитрий Петрович говорят:

Вера. Да ты *мучитель... палач...* [1, с. 292].

Дмитрий Петрович. О! ты *камень* – когда ты будешь умирать, то узнаешь, как тяжело не встречать утешения [1, с. 313].

В реплике княгини при характеристике Александра использованы лексемы с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом значения (*мучитель, палач*). Дмитрий Петрович называет сына *камнем*, упрекая его в бесчувственности и нежелании утешить отца в последние минуты жизни (здесь в значение узуально нейтральной лексемы привносятся дополнительные оттенки «холодный», «не способный сопереживать»).

Интересно, что с помощью метафорической номинации в реплике одного персонажа может быть одновременно выражено как отношение к другому действующему лицу, так и косвенное указание на то, *что* он переживает в данный момент. Так, Вера говорит об Александре: «живой упрек, живое раскаяние». Здесь метафорическая номинация отражает негативное отношение княгини к бывшему возлюбленному, связанное с оценкой ею своих действий в прошлом, в которых она раскаивается и напоминанием о которых он становится.

Употребление номинативной метафоры персонажем пьесы по отношению к самому себе раскрывает его оценку своего поведения, своих поступков. Так, например, во время разговора с Дмитрием Петровичем князь, осознав, о чем его пытаются предупредить, произносит:

Князь. Не спорю-с (*вдруг, как бы вспомнив что-то, хватается себя за голову и вскакивает*); о, я *дурак* – о, я *пошлая дурачина...* о, *глупая ослиная голова...* вы правы – а я *дубина!*.. теперь вспомнил... теперь понимаю... понимаю... этот анекдот!.. все было на мой счет сказано... [1, с. 299].

В процитированном примере слова князя выражают не иронию по отношению к самому себе, а наоборот, передают досаду, оттого что он был так недогадлив и не понял, о чем говорил Юрий. Реплика «вдруг, как бы вспомнив что-то, хватается себя за голову и вскакивает» указывает на неожиданность для самого персонажа посетившей и настолько поразившей его мысли, что он не может с собой совладать («вскакивает»). Неоднократное использование многоточий (что указывает на прерывистость речи князя) и повтор глагола («теперь понимаю... понимаю...») передают испытываемое волнение. Интересно, что в сцене разговора князя с женой в финале пьесы

номинативные метафоры как служат негативной характеристикой персонажа, так и выражают самоиронию.

Князь. Тогда было другое – тогда я был *ваш покорный слуга, ваш прислужник, ваша постельная собачка...* [1, с. 311].

В приведенном примере с помощью выражений «ваш покорный слуга», «ваш прислужник», «ваша постельная собачка» князь сам характеризует свое прежнее поведение, дает ему отрицательную оценку.

Выдающийся теоретик литературы Б. В. Томашевский писал о необходимости учитывать контекст при анализе метафор: метафора всегда «исходит» из конкретного контекста... коннотативные признаки, создающие метафору, фокусируются только в рамках данного лексического набора». Подтверждение этому мы находим и при анализе употребления номинативной метафоры «ангел».

В разных контекстах лексема «ангел» способствует созданию различных образов.

Александр. ...Но для меня ты была *ангелом-спасителем...* [1, с. 293].

Александр. Теперь продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели – *твой ангел лежал здесь, на этой груди – следы твоих поцелуев выжжены моими – я выжал из сердца Веры все, что в нем было похожего на добродетель, и на твою долю не осталось ничего* [1, с. 316].

Александр называет Веру «ангелом» и «ангелом-спасителем». Но в приведенных выше примерах данные слова обладают различными эмоционально-оценочными оттенками значения. В первом случае, создается возвышенный образ возлюбленной, передается восхищение героя (что подчеркивается и с помощью второй части сложного слова: спаситель – объяснение особой роли Веры в судьбе старшего из братьев Радных). Во втором случае, в сцене, когда Александр, рассказывая брату о предательстве Веры, говорит ему: «продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели», одновременно отнимает у него возможность поверить («твой ангел лежал здесь, на этой груди – следы твоих поцелуев выжжены моими...»). Александр стремится не только разрушить представление Юрия о Vere как об ангеле (оно ложное, так как она не осталась верна своим чувствам), но и показать ему свое превосходство: то, что раньше принадлежало одному, теперь принадлежит другому. Противопоставление двух братьев передается и с по-

мощью местоимений и наречия *твой – здесь, на этой и твоих – моими, я – твою (долю)*.

Представление о человеке как об ангеле (идеальном воплощении) оказывается неверным и разрушается и для Веры.

Александр. ...ты думала, что я, следуя моде, фанфарон порока и эгоизма, ты даже хотела меня уверить, что я почти *ангел доброты...* [1, с. 306].

Герой опровергает сложившееся о нем мнение, отрицает возможность проявления у него положительных качеств. Его поведение не дань моде, а следствие того, что ему когда-то пришлось пережить. Княгиня создала для себя тот образ, который хотела видеть (*«ты думала, что... следуя моде, фанфарон порока и эгоизма, ты даже хотела меня уверить, что я почти ангел доброты»*).

Интересно также, что в анализируемом произведении лексема «ангел» в большинстве случаев употребления обладает положительным эмоционально-оценочным компонентом значения. Например, даже мысль, приведшая к благоприятным, с точки зрения персонажа, последствиям, кажется внушенной ангелом.

Александр. О! какой *ангел* внушил мне эту мысль – бог, видимо, хочет вознаградить меня за 30-летние муки, за 30 лет жизни пустой и напрасной [1, с. 304].

Сравните слова Юрия Волина, героя пьесы «Люди и страсти», ставшего случайным свидетелем разговора Любви и Заруцкого, который был воспринят им как тайное свидание: «Какой *адский дух* толкнул меня за это дерево...».

Происходящие в пьесе значимые события также получают метафорическое описание. Приезд Юрия для Дмитрия Петровича – «последняя радость». Тайную встречу с Верой, узнавший о ней случайно и выдавший себя на этом свидании за другого, Александр называет «жалким удовольствием, украденным из рук судьбы» [1, с. 303]. В приведенных примерах в значениях лексем, узуально обладающих положительным эмоционально-оценочным компонентом значения (*радость, удовольствие*), привносятся отрицательные коннотации посредством соположения их со словами с негативной эмоциональной оценкой (*последний, жалкий*) и словосочетанием (*украденным из рук судьбы*).

Понятия жизни и смерти, связанные с возможностью или невозможностью испытывать чувства, метафорически раскрываются по-разному. Жизнь описана с помощью традиционных метафор «дорога жизни», «наука жизни».

Смерть (приближение смерти) иносказательно изображается либо с помощью указания на физические характеристики, либо с помощью глагола со значением передвижения.

Федосей. Помогите – *холоден* [1, с. 315].

Александр. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмитрий Петрович. Старость, брат, старость – *пора убираться...* [1, с. 295] скоро *Бог призовет меня к себе...* [1, с. 281].

В последнем из приведенных примеров упоминание о близкой смерти выражено с помощью устойчивого выражения, синонимичного глаголу «умирать».

Необходимо отметить, что в анализируемом произведении отсутствуют характерные для романтизма развернутые метафоры и сравнения, в которых душевное состояние передается с помощью описания картин природы (в драмах «Люди и страсти» и «Странный человек» указанные тропы представляют собой главный способ раскрытия внутреннего мира персонажей пьесы).

Таким образом, метафора в драме М. Ю. Лермонтова «Два брата», является средством выражения испытываемых действующими лицами чувств и отношений между ними. Большинство метафор, наряду с образным описанием, передают негативную оценку тем или иным персонажем себя, своих действий, своих внутренних переживаний. При этом в значение одной и той же лексемы, используемой для передачи душевного состояния, в зависимости от контекста могут быть привнесены различные эмоционально-оценочные оттенки.

#### Библиографический список

1. Лермонтов, М. Ю. Маскарад: Драмы. Романы. Поэмы [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. Эксмо, 2008. – 608 с.
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 19811984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240.html> (20.03.2011)
3. Томашевский, Б. В. Краткий курс поэтики: учебное пособие [Текст] / Б. В. Томашевский; вступительная статья, примечания Л. В. Чернец. – 5-е изд. – М.: КДУ, 2010. – 192 с.
4. Томашевский, Б. В. Стилистика [Текст]: учебное пособие / Б. В. Томашевский; отв. ред. А. Б. Муратов. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с.